

Агамбен, Дж. *Opus Dei*. Археология службы

Пер. с ит. С. Ермакова. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. — 280 с.

Opus Dei — очередное исследование Дж. Агамбена в рамках проекта *Homo Sacer*. По завещанию самого автора, книга появилась как неожиданное и вместе с тем необходимое отступление от работы «Высочайшая бедность». На полях археологического изучения монашества перед Агамбеном встала задача археологии богослужения — так *Opus Dei* превратилась в самостоятельное исследование.

По замечанию переводчика книги Сергея Ермакова, *Opus Dei* «одна из наиболее глубоко онтологических книг Агамбена» (с. 7). Это действительно так. Как в заглавной книге проекта «*Homo Sacer*. Суверенная власть и голая жизнь» и совсем недавно появившихся и пока недоступных на русском языке работах («Философия первая, философия последняя. Знание

Запада между метафизикой и науками» и «Нереализуемое. К политике онтологии») в *Opus Dei* речь прямо идёт о генеалогии философского дискурса. Здесь Агамбен ставит вопрос о том, «что стоит на кону в стратегии, которая привела к концепции человеческого действия как *officium* [обязанности — Авт.]?» (с. 145).

Сдвиг в мышлении Запада, связанный с парадигмой суверенной власти, в первой книге проекта *Homo Sacer* Агамбен возводит к Аристотелю. В трактовке Агамбена, понимание возможности Аристотелем структурно близко логике суверенного исключения: «Возможность (в своем двойном аспекте возможности и возможности-не) это тот способ, посредством которого бытие суверенно себя основывает» [Агамбен, 2011, с. 64].

В *Opus Dei* Агамбен ещё пристальнее всматривается в аристотелевское учение, но делает это не напрямую, заметное место уделяя не только глубоким историко-лингвистическими погружениям в тексты столпов западной христианской мысли (Амвросия Медиоланского, Августина, Фомы и Ф. Суареса), но и аналитически читая многочисленные послания, рационалы и постановления ранней церкви. Отчасти из-за этого, правда, уже привычного для читателя, филологизма Агамбена, «онтологичность» книги уходит на второй план. Читате-

лю, не погружённому в детали, материал книги (особенно первых двух глав) может показаться избыточным.

Если абстрагироваться от историко-филологического материала книги, становятся отчётливо видны две линии исследования, составляющие философскую основу работы Агамбена. Первая изучает трансформацию субстанциалистской онтологии в онтологию бытия, понятого как существующего только в действии, парадоксально запускаящего себя, ещё будучи само нереализованным. На этом пути Агамбен скупулёзно отслеживает колебания и изменения понятия литургии — перенос литургии из греческой политической жизни в жизнь христианской церкви и его значение для западной парадигмы мышления. Для Агамбена речь идёт не просто об историко-теологической проблеме, но о некоей новой политико-онтологической ставке Запада, отразившейся в понятии литургии: «В литургии речь идёт о новой онтолого-практической парадигме — действительности, в которой бытие и действие вступают на порог неразличимости... Подчинение действия бытию, определявшее античную философию, утрачивает здесь свое значение» (с. 106). Агамбен подчёркивает, что даже хайдеггеровская связка бытия и присутствия носит на себе черты этой новой деятельностной онтологии. На русской почве в этом контексте мы можем вспомнить о первой философии М. Бахтина и его учении о событии бытия, в котором долженствование, как след бытия и само бытие обнаруживаются только в действии-поступке.

Вторая линия исследования посвящена генеалогии понятия долга. Агамбен видит во вхождении этого понятия в систему западной мысли факт коренной перестройкой этико-онтологического дискурса. Здесь отправной точкой для Агамбена становится понятие обязанности (*officium*), введённое Цицероном, которым тот перевёл греческий термин *kathêkon*. С точки зрения Агамбена, именно Цицерон, а через него уже упомянутые Амвросий, Фома и Суарес, ответственен за размывание границ античной этики и превращение её в этику воли, долга и субъекта: «...удивительно то, что книга, которой было суждено вести понятие долга в западную этику, подробно рассматривает не учение о добре и зле, но учение о критериях — бесконечно вариативных — определяющих действие субъекта „по ситуации“» (с. 113–114).

К концу исследования, дойдя до порога неразличимости, эти линии и исследуемые ими понятия сходятся: «как долг был введён в этику, чтобы обеспечить основаниями приказ, понятие воли было выработано для того, чтобы объяснить переход от потенции к действительности» (с. 198). Центральной фигурой, в учении которой сходятся эти линии, ожидаемо становится И. Кант. Повторяя известные антикантианские аргументы, Агамбен усматривает в формальной этике Канта окончательное закрепление этики долга, а вместе с ней установление парадигмы воли, стирающей различие между бытием и действием. Но и в «Критике чистого разума», прочитанной из

перспективы «Метафизики нравов», Агамбен видит то же — Кант в окончательном виде создал новый тип онтологии, он заменил онтологию субстанции онтологией приказа, за которым не стоит никакая сущность, но лишь процесс исполнения субъектом долженствования быть, не существующего помимо самого этого процесса исполнения онтологической обязанности.

В итоге вхождение в западное мышление понятий литургии и долга, на взгляд Агамбена, ведёт к размыванию и смешению базовых онтологических и этических категорий. Вместе с переходом от этики добродетели к этике долга намечается и переход от примата бытия как основания действия к пониманию бытия как эффекту выполнения субъектом внешней, не ему принадлежащей задачи. За всем этим стоит онтологическая трансформация, лишаящая субъекта права собственности на его действие, превращение его в функцию замещения бытия, находящегося в становлении и зависящего от эффективности действий субъекта.

Несомненно, *Opus Dei* — книга большого мастера, но всё же она оставляет смешанное впечатление. Не только некоторой перегруженностью и неартикулированностью замысла: Агамбен как бы публикует полевые дневники своих наблюдений. Но в первую очередь тем, что читателя на протяжении всей книги не покидает ощущение, что её «онтологическая» и «археологическая» часть слабо связаны друг с другом и то, что Агамбен представляет как вывод, он мог сказать (и уже говорил) без проведенной здесь археологии.

Заканчивает работу Агамбен, ставя вопрос о будущем философии: «Проблема будущей философии — это проблема того, как помыслить онтологию по ту сторону дельности и приказа и как помыслить этику и политику, которые были бы полностью свободны от понятий долга и воли» (с. 199). На естественно возникающий вопрос: зачем нам нужно это освобождение и что для него требуется: романтическое возвращение к истокам или новый синтез — Агамбен ответа не даёт, лишь представляя на суд читателя результаты своей археологии.

Г. Т. Кораев

Литература

Агамбен, Дж., *Номо sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.

Для цитирования: Кораев, Г.Т. [Рец.] Агамбен, Дж. *Opus Dei*. Археология службы. Пер. с ит. С. Ермакова. М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022 // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 243–245.